

После обряда посвящения Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян официально обосновались в новом доме.

Хромой Чжан принялся распределять жильё.

— В главном доме я испокон веку живу, так что не обессудьте, — прохрипел он, поднимаясь с места. — Вам двоим отведу западный флигель. Постели я уже велел подготовить Толстяку Ху — ну, тому борову, что вас привез. Приберетесь малость, и можно будет жить.

Старик направился к себе, бросив через плечо:

— Занимайтесь делами, а я пойду прилягу, отдохну.

Стоило двери за наставником закрыться, как он, сияя от радости, подхватил свой огромный баул и двинулся в комнату по левую руку.

Внутри щелкнул выключатель, заливая помещение тусклым светом. Обстановка была спартанской: у окна громоздилась широкая лежанка-кан, напротив — простой стол с одиноким стулом, да у стены сиротливо жался платяной шкаф. Пол был залит обычным старым бетоном.

— Скромновато, конечно, — заметил вошедший следом Цзян Чэньян, окинув взглядом скудное убранство. — Но ничего, обживемся, потихоньку докупим, чего не хватает.

Юэцзин водрузил свой баул на стол.

— И так хорошо! Я сейчас всё устрою, — он пулей вылетел во двор и через минуту вернулся с влажной тряпкой, протирая поверхность лежанки.

Тем временем Чэньян достал из шкафа матрасы и одеяла. Всё новенькое, муха не сидела.

«Значит, старик и впрямь готовился заранее...» — промелькнула мысль, но задерживаться на ней он не стал, принявшись застилать постели.

Работа закипела. Они сновали туда-сюда, вытирая пыль и отмывая пол, пока комната не начала дышать чистотой. Хромой Чжан, прислушиваясь к веселому шуму во флигеле, лишь довольно ухмылялся. С этими двумя сорванцами жизнь явно обещала стать уютнее.

В его долгой, бурной и подчас опасной жизни случалось всякое, скучать не приходилось, но вот простого человеческого тепла он не чувствовал уже очень давно.

Когда с уборкой было покончено, Юэцзин принялся разбирать вещи. Из недр рюкзака на свет

явилась сменная одежда и несколько учебников. Именно книги привлекли внимание Чэньяна.

Он только сейчас по-настоящему осознал: его новый знакомый — еще совсем ребенок.

— В школу больше не пойдешь, — Чэньян взял один из учебников, лениво перелистывая страницы. — Не жалеешь?

Сам он бросил учебу еще в средних классах, так что формулы из программы старшей школы казались ему чем-то вроде инопланетной письменности.

— Жаль, конечно, — вздохнул Юэцзин, бережно листая тетрадь, испещренную аккуратными заметками. — Учился-то я на отлично. Классный руководитель говорил, что если так пойдет и дальше, я вполне мог бы замахнуться на Университет Имперской столицы.

Он замолчал на мгновение, поглаживая корешок книги.

— Но я не боюсь. С моими мозгами я и позже в университет поступлю, это несложно. Глядишь, к тому времени и денег поднакоплю, чтобы за учебу не дрожать.

— Обязательно поступишь.

Глядя на то, как мальчишка прижимает к себе учебники, точно величайшее сокровище, Чэньян почувствовал, как в груди неприятно защемило. Он невольно протянул руку и взъерошил волосы Юэцзина.

— Ну чего ты всё время меня за голову треплешь? — недовольно буркнул тот. — Я, между прочим, еще вырасти хочу!

Чэньян не выдержал и рассмеялся. А этот младший братец оказался забавным малым.

***

Вечером Юэцзин вошел к наставнику, неся таз с горячей водой.

— Учитель, давайте я вам ноги попарю?

Лето только вступало в свои права, и по вечерам всё еще ощутимо тянуло прохладой. Юноша рассудил, что такая процедура пойдет старику на пользу.

Хромой Чжан, сидевший перед телевизором, замахал руками:

— Не надо, не надо! Сядь вон лучше, отдохни, не суетись.

— Ничего страшного, учитель, я к этому привык, — Юэцзин уже опустился на колени, стянул со старика носки и осторожно опустил его натруженные ступни в воду. — Как температура? Не горячо?

— В самый раз...

Хромой Чжан почувствовал, как к горлу подступил комок. Горько было за ребенка: видать, в приемной семье его только и держали за прислугу, раз он так наловчился угождать.

Старик положил тяжелую, мозолистую ладонь на голову Юэцзина.

— Мальчик мой... здесь тебе не там. Не нужно передо мной на цыпочках ходить, не надо так стараться. Ты натерпелся в жизни, я знаю. Теперь всё будет иначе.

Юэцзин шмыгнул носом. Сдержаться не получилось — он вдруг всхлипнул и разрыдался в голос, по-детски громко и отчаянно.

На шум из спальни тут же выскочил встревоженный Чэньян.

— Мне не трудно! — сквозь слезы выдавил Юэцзин, вытирая лицо рукавом. — Если рядом учитель и старший брат, мне совсем не трудно!

Он уже приготовился зайтись в новом приступе плача, но Хромой Чжан не дал ему такой возможности. Он отвесил ученику легкий, но звонкий щелбан.

— Ну хватит сырость разводить! Надоел уже, честное слово, — проворчал он.

— Хе-хе, — Юэцзин затих, глупо улыбаясь и потирая лоб.

Он и сам не понимал, что с ним происходит. Они были знакомы от силы день, но он чувствовал к этим двоим такую невероятную тягу и доверие, словно само звание ученика и младшего брата даровало ему абсолютную защиту от всего мира.

Чэньян, наблюдавший за этой сценой из дверного проема, про себя твердо решил: этого простодушного мальчишку он в обиду не даст. Никогда.

Старики ложатся рано. После ванночки для ног наставник вскоре отправился спать.

Умывшись, Юэцзин и Чэньян тоже вернулись в свою комнату. Стесняться друг друга мужчинам

не пристало, и Чэньян начал переодеваться прямо при младшем, чем привел того в полнейшее замешательство.

Стоило ему убрать волосы назад, как образ его мгновенно преобразился.

Чисто выбритый, со светлой кожей и мягкими чертами лица, он казался воплощением весеннего ветра. Легкая полуулыбка, застывшая в уголках губ, невольно приковывала взгляд, а он смотрел так глубоко, что, казалось, заглядывал в самую душу. Пирсинг в ушах добавлял облику дерзости... Сказать, что он был чертовски хорош собой — значит не сказать ничего.

Но больше всего Юэцзина поразила татуировка на левой стороне груди, переходящая на плечо: свирепый зверь с телом шакала и головой дракона, оскалившийся в немом рыке.

Сочетание классической красоты и вызывающей татуировки создавало странную, почти пугающую эстетику.

Заметив, что парень застыл с открытым ротом, Чэньян решил, что тот испугался.

— Это Яцзи, — пояснил он, усмехнувшись. — Второй сын дракона. Ошибка молодости, не бери в голову.

Юэцзин, справившись с секундным смущением, тут же подался вперед, с любопытством рассматривая рисунок. Он впервые видел татуировку так близко. Не удержавшись, он протянул руку и коснулся кожи:

— Ого! Как настоящий! — Он даже попытался легонько поддеть рисунок ногтем.

Чэньян, посмеиваясь, перехватил его ладонь.

— Хватит уже, затискал совсем. Давай, спать ложись.

Юэцзин кивнул, но всё еще сиял. В его возрасте всё запретное и бунтарское вызывало жгучий интерес. В школе, конечно, были сорвиголовы, что пили, курили и дрались за гаражами, но никто из них и в подметки не годился Чэньяну.

«Настоящий тату! Так вот вы какие, люди из "общества"!» — восхищенно думал он.

Лежанка была огромной — здесь при желании могли бы улечься пятеро. Оказавшись под одеялом, Юэцзин невольно вспомнил свою прежнюю жизнь. С тех пор как родились младшие, ему приходилось спать на полу в тесном закутке, где и повернуться-то было негде.

Впервые в жизни у него была такая просторная постель. От переизбытка чувств он даже разок перекувыркнулся.

Чэньян, наблюдавший за этими кульбитами, подпер голову рукой:

— Ну ты и обезьяна. Спи уже давай, егоза.

— Не могу, сон не идет! — Юэцзин перевернулся на бок, глядя на брата. — Слишком всё... невероятно. Я ведь впервые из дома уехал. Старший брат, ты говорил, что был певцом, в группе играл... Ты же наверняка много где бывал? Расскажи что-нибудь!

— Где я только не был... — Чэньян закинул руки за голову, погружаясь в воспоминания о своих восьми годах скитаний. — Начинал обычным официантом в баре. Слушал местных певцов и думал: «Да я же в сто раз лучше спою!». Начал пробовать, и правда — талант оказался. Бросил подносы, стал путешествовать с гитарой. Песни сам писал, даже продал парочку авторских прав, неплохо поднялся тогда...

— Вау! Прямо деньги заработал? Ну ты даешь!

Юэцзин смотрел на него с нескрываемым обожанием. Жизнь Чэньяна казалась ему захватывающим приключением.

— И ты зарабатываешь, — Чэньян потрепал его по макушке. — Будем учиться, выступать. Прославимся, станем айдолами от мира сяньшэн, там деньжищи еще больше. Учитель же обещал, что будем в золоте купаться!

В отличие от наивного Юэцзина, Чэньян перед тем как идти в ученики, кое-что разузнал о жанре. Со своей внешностью он вполне мог рассчитывать на успех у публики.

— Точно! Старший брат, ты прав. Я обязательно разбогатею. Знаешь, я ведь пообещал мелким, что когда поднимусь, заберу их к себе!

Чэньян снова не сдержался и взъерошил ему волосы:

— Заберет он... Кормилец нашелся!

Юэцзин перехватил его руку и серьезно произнес:

— Конечно! Я, между прочим, уже взрослый человек!

— Ага, взрослый. Только молоко на губах не обсохло.

— Эй, не смейся надо мной!

Они еще немного поболтали, пока Юэцзин наконец не провалился в сон. Утомленный долгим днем, Чэньян вскоре тоже закрыл глаза.

Лунный свет, пробиваясь сквозь окно, мягко окутал их серебристой дымкой, словно укрывая одеялом тайны их общего, пока еще неясного будущего.

<http://bllate.org/book/17504/1653381>